Земля наша велика и обильна

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

АНО «ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРА»

ООО «НПО «СЕВЕРНАЯ АРХЕОЛОГИЯ-1»

Земля наша

ВЕЛИКА И ОБИЛЬНА...

90-летию А. Н. Кирпичникова посвящается

Книжная Типография
Санкт-Петербург
2019

УДК 902
ББК 63.4(2)

Благодарим за финансовую поддержку данного издания
Георгия Петровича Визгалова и Олега Викторовича Кардаша

Ответственный редактор:
С. В. Белецкий

Редколлегия:
Г. П. Визгалов, Т. Н. Джаксон, М. М. Казанский,
О. В. Кардаш, В. А. Лапшин, А. И. Сакса

Рецензенты:
член-корреспондент РАН, доктор исторических наук П. Г. Гайдуков,
кандидат исторических наук О. А. Щеглова

Печатается по решению Ученого Совета ИИМК РАН

Земля наша велика и обильна : сборник статей, посвященный 90-летию А. Н. Кирпичникова. — СПб.: Невская Типография, 2019. — 442 с., 170 ил.

Сборник научных статей «Земля наша велика и обильна…», подготовленный к изданию Институтом истории материальной культуры Российской Академии наук, посвящен 90-летию доктора исторических наук, профессора, заслуженного работника культуры РФ Анатолия Николаевича Кирпичникова. В сборнике представлены статьи, написанные историками и археологами из Вюрцбурга, Москвы, Парижа, Перми, Пскова, Риги, Санкт-Петербурга, Старой Ладоги и Сургута. В большинстве работ впервые вводятся в научный оборот результаты новейших открытий в изучении средневековой археологии и истории европейских стран. Статьи иллюстрированы фотографиями, чертежами, рисунками и картами.

Сборник адресован историкам, археологам, филологам, а также широкому кругу читателей, интересующихся историческим прошлым России и сопредельных стран.

ISBN 978-5-907053-29-8
DOI 10.31600/978-5-907053-29-8

© Институт истории материальной культуры РАН, 2019
© Авторы статей, 2019
© Белецкий С. В., научное редактирование, 2019
© ООО «Невская Типография», 2019

Содержание

В. А. Лапшин. Анатолий Николаевич Кирпичников. К 90-летию со дня рождения 5

Л. А. Губчевская. «Заповедный» — значит «особо хранимый» 8

Л. М. Всевиов (составитель). Библиография работ А. Н. Кирпичникова 11

А. А. Александров. «Князя поищем, иже бы владел нами и рядил ны по праву» (заметки на полях летописи) 14

С. В. Белецкий. Геральдические подвески X–XI вв. 30

Р. Брузис. Бутафории оружия ближнего боя XIV–XVI вв. на территории Латвии 50

Ю. А. Виноградов. О терракотовых статуэтках с изображением воинов из Ольвии 61

К. В. Горлов, Н. В. Григорьева. Фракция новгородского рубля с Земляного городища Старой Ладоги 66

Г. С. Гофман, Т. Ю. Закурина. Изборская крепость в первой трети XIV в. 70

Т. Н. Джаксон. О природных чудесах Исландии 84

А. Н. Егорьков, А. В. Плохов. Химический состав раннесредневековых стеклянных изделий Рюрикова городища 91

И. И. Еремеев. Фрагмент предмета церковной утвари с Бронницкого городища под Новгородом 99

М. М. Казанский. О двух традициях декора клинкового оружия эпохи Великого переселения народов на юге Восточной Европы 113

С. Ю. Каинов. «Большой» меч из Чёрной могилы (предварительные итоги нового этапа изучения) 125

О. В. Кардаш, З. Г. Гайдакова. Топоры-секиры у населения Крайнего Севера в XII–XIV вв.: бытовые и ритуальные аспекты 140

А. А. Кищук, О. В. Овсянников. Из истории поморского летописания конца XVII — начала XVIII в.: «летопись» и рисунки Ивана Погорельского 156

Л. С. Клейн. Спор о варягах как пережитое 183

Н. Б. Крыласова. Комплекс вооружения финно-угорского Рождественского могильника в Пермском крае 201

Ю. А. Кулешов. Позднесредневековый шлем из собрания Козьмодемьянского культурно-исторического музейного комплекса (к вопросу о традициях и технологиях оружейного производства Генуэзской Газарии) 215

А. А. Купранис. О древнерусских весовых эталонах 241

А. В. Курбатов. Кожаные детали вооружения и амуниции в древности и средневековье по письменным и археологическим данным 245

В. А. Лапшин. Первые строители Петербурга 258

П. А. Миляев. Предметы вооружения XVI–XVII вв. из раскопок на территории ладожского посада 267

К. А. Михайлов, А. А. Пескова. Находки защитного вооружения из раскопок древнерусского Шепетовского городища (заметки к трудам А. Н. Кирпичникова) 286

Е. Р. Михайлова. Двушипные наконечники копий из Которского погоста 298

А. Г. Панкратов. Новые данные о пластинчатых панцирях на Руси 312

В. Я. Петрухин. Вещий Олег и «могила в Ладоге» 322

Н. И. Платонова. Г. Косинна и А. А. Спицын: единство противоположностей (к вопросу о «национализме в археологии») 332

А. И. Сакса. «Выборгский гром» 1495 г. — легенда или действительность? Иван III и «Балтийский вопрос» конца XV в. 343

Е. В. Салмина, С. А. Салмин. В поисках захаба: археологические раскопки в Псковском кремле в 2016 г. 358

Т. Б. Сениченкова, Н. В. Семёнова, О. К. Дмитриева. Новая находка из старых раскопок 379

В. Ю. Соболев. Оружие и снаряжение коня из раскопок Никольского Которского погоста Новгородской земли 384

П. Е. Сорокин, П. А. Васин. Романские мечи из Приневья и юго-западного Приладожья 395

Р. Спиргис. Ливские подражания готландским брактеатам X–XIII вв. 405

С. В. Томсинский. Каменные иконки из раскопок древнерусского «Изяславля» 424

С. Н. Травкин. Повторное использование монет и хронология кладов на территории Юго-Восточной Европы в средние века 433

Сокращения 439

В. А. Лапшин
(Санкт-Петербург)

Первые строители Петербурга[1]

До недавнего времени условным рубежом, на котором заканчивается археология, считался 1700 г. В последние годы во всем мире возрос интерес к археологии нового времени. Критерием стала необходимость использования археологических методов при изучении тех или иных объектов культурного наследия, их «археологизированность». Особое значение эта тенденция имеет для Санкт-Петербурга, города, основанного в 1703 г. Открытие культурного слоя XVIII в. состоялось весной 1952 г. благодаря новаторским раскопкам, проведенным А. Д. Грачом (Грач 1957). Пятьдесят лет назад А. Н. Кирпичников одним из первых использовал археологическую методику в изучении истории города при поисках могилы Д. Кваренги (Кирпичников 1969; 1970). Последние полтора десятилетия Институт истории материальной культуры РАН ведет планомерное изучение культурного слоя и утраченных объектов города (Лапшин, Соловьёва 2012; 2016; Lapshin, Solov'yova 2016). Несмотря на обилие письменных источников и графических материалов, которые, казалось бы, не оставляют белых пятен на карте Санкт-Петербурга XVIII–XIX вв., археологические раскопки каждый год открывают новые, неизвестные ранее страницы истории города.

Статья посвящена двум находкам, сделанным в историческом центре Санкт-Петербурга, в непосредственной близости от Петропавловской крепости. Петроградская сторона — своеобразная часть Санкт-Петербурга. Здесь, рядом с крепостью, город начинался. Здесь жили его первые строители. Здесь поставлена первая деревянная церковь и первый домик царя. Но с переносом парадного центра города на левый берег Невы Городская, то есть прикрепостная, сторона надолго осталась окраиной ремесленных слободок с деревянной одноэтажной застройкой. Память о них хранят названия улиц: Большая и Малая Монетные, Оружейная, Большая и Малая Пушкарские, Пушкарский переулок. Петроградская сторона пережила строительный бум в предреволюционное двадцатилетие и была вся заново застроена большими каменными зданиями. Тем не менее, наряду с несколькими прямыми проспектами вплоть до наших дней сохраняются кривые боковые улочки и переулки, как считается, совершенно нехарактерные для регулярного города.

Археологические исследования Института истории материальной культуры РАН на территории исторического центра Санкт-Петербурга раскрыли спрятанную

[1] Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2018-0008 «Ремесло, торговля, международные связи Северной Руси и ее соседей».

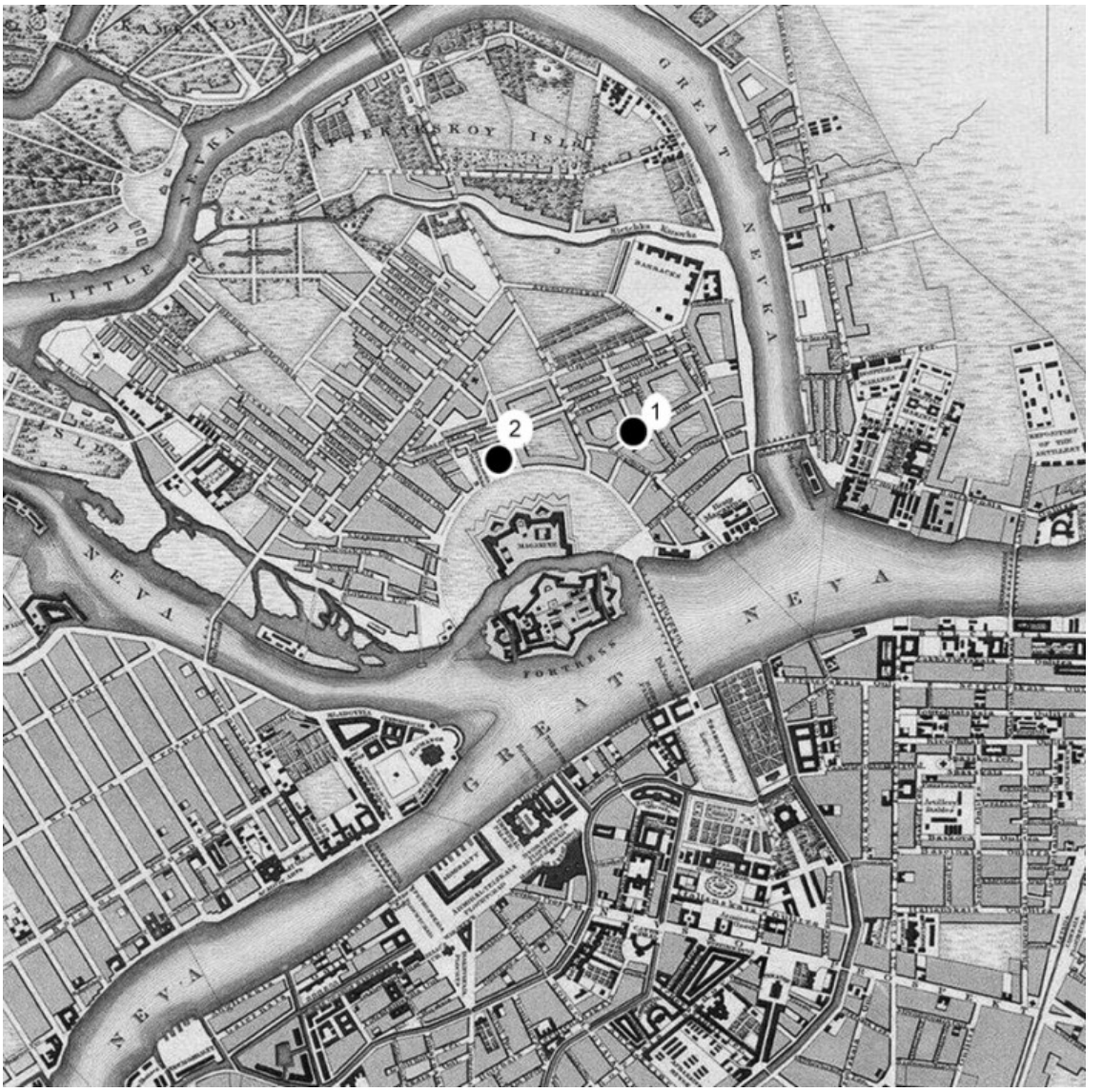

Рис. 1. Кладбища начала XVIII в.: 1 — на Большой Посадской ул., 2 — на Сытнинской ул. (подоснова — карта Санкт-Петербурга 1834 г.)

за официальным фасадом будничную, во многом провинциальную, полудеревенскую жизнь многих его частей. Одно из последних открытий — два кладбища первых строителей города, расположенных на Петроградской стороне (рис. 1).

Первое кладбище, обнаруженное в 2011 г., было расположено на пересечении Большой Посадской и Малой Монетной улиц (рис. 2). Участок расположен в южной части Петроградского острова, в 700 м к северо-востоку от Петропавловской крепости. Согласно планам Петербурга начала XVIII в. и письменным свидетельствам современников, освоение этой местности началось в самом начале XVIII в., но преобладала здесь не регулярная застройка, характерная в целом для Санкт-Петербурга, а спонтанная (посадская). Вот как об этом пишет П. Н. Столпянский: «Нельзя не увидать, что эти кварталы разбивались без предварительного плана, а так, как Бог на душу положит, как кому удобней было селиться: закоулочки,

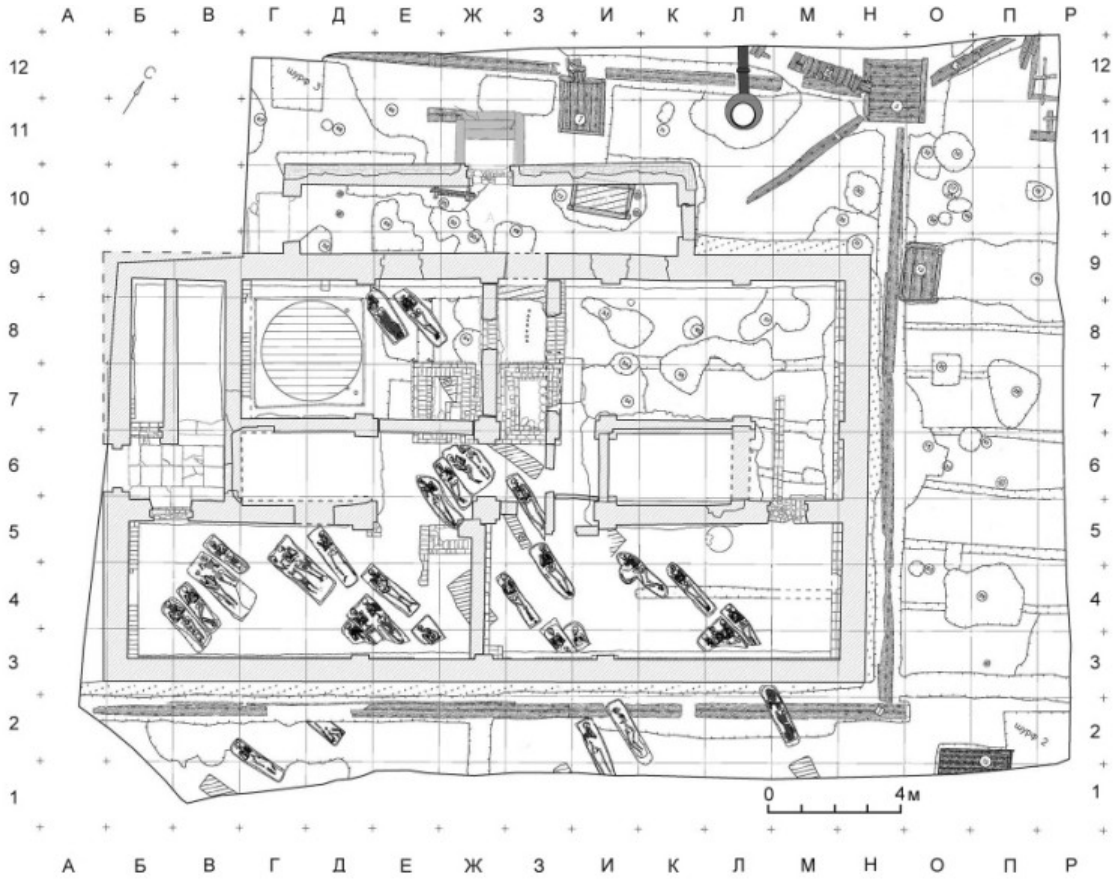

Рис. 2. План раскопа на Большой Посадской ул.

переулочки, тупички, неизвестно почему появившиеся площадки: всё это показывало, что архитектора здесь не было, что и самому Петру Великому было недосуг вначале смотреть, чтобы строились в порядке, а когда и было обращено внимание, то помочь горю было затруднительно: нужно было начинать сначала… Заселение, как показывает само название улиц, или в то время слободок, шло по принципу соединения в одну слободку людей однородных занятий или сословий … Большая Посадская, наоборот, говорила, что ее обыватели — люди, взятые из посадов других городов, люди торговые, коммерческие. Монетная… были понятны всем и каждому… здесь жили монетного дела мастера» (Столпянский 1909: 79–80).

Первоначальный период освоения участка, исследованного при раскопках, связан с функционированием на нем кладбища. Планиграфия распространения могил, а также их стратиграфическое положение свидетельствуют о том, что кладбище функционировало достаточно небольшой промежуток времени, в первые годы строительства Санкт-Петербурга. О том же говорит и отсутствие кладбища на ранних планах города. Хозяйственное освоение участка также начинается достаточно рано. Уже в 1710-х гг. по территории кладбища прокладывают дорогу, проходящую примерно в тех же границах, что и современная Большая Посадская улица, а территорию к северу от дороги отводят под домовладение. В этот период основная часть территории используется под сельскохозяйственные нужды (Лапшин, Городилов 2013: 25). Датируют слой, перекрывающий кладбище, монеты 1704–1713 гг. (Городилов, Седых 2014: 379, 385).

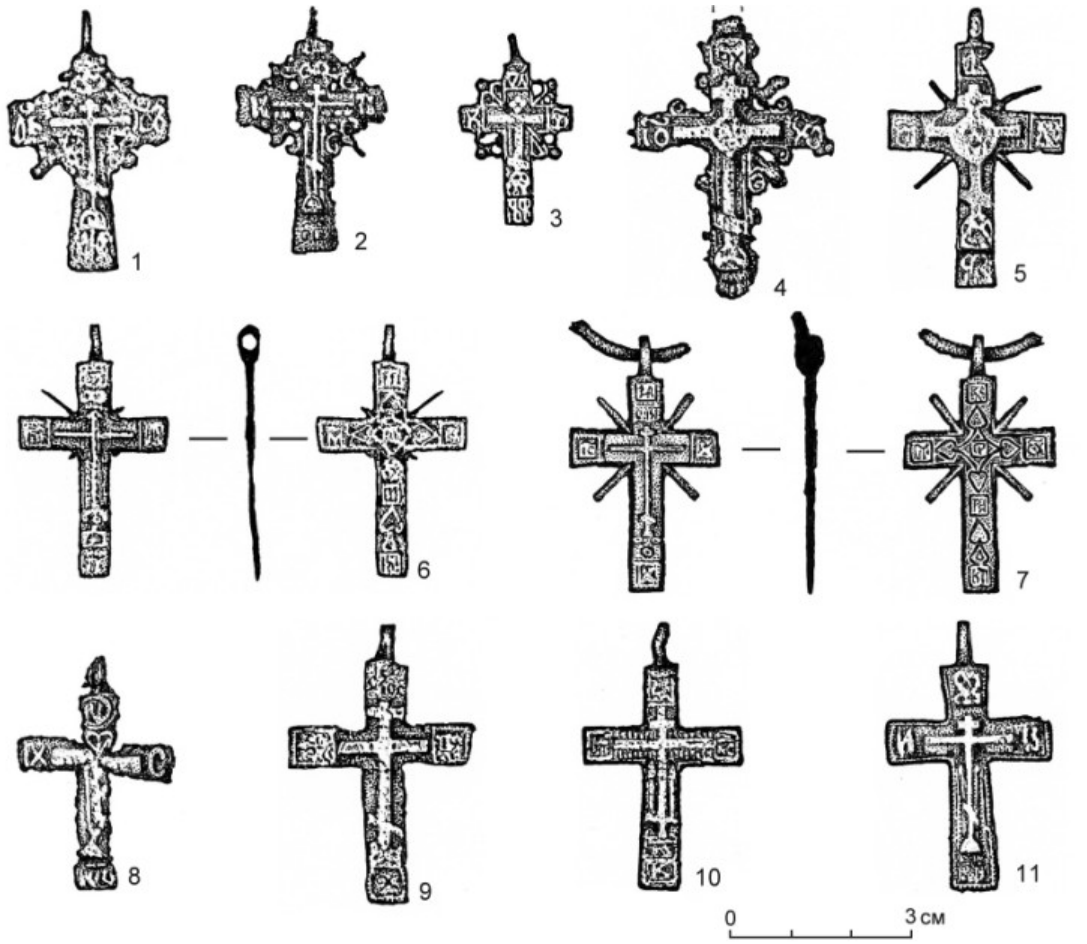

Рис. 3. Кресты-тельники из погребений на Большой Посадской ул.

Погребенные, 35 человек, были похоронены в неглубоких ямах, без гробов, завернутые в рогожу. Погребения индивидуальные или парные. Единственный сопровождающий инвентарь — медные кресты-тельники, найденные при 16 погребенных (рис. 3). В целом типы крестов датируются в рамках XVII–XVIII вв. (Лапшин, Городилов 2013: 31-34).

Две трети погребенных — мужского пола, одна треть — женского. Средний возраст умерших мужчин — 34 года, женщин — 26 лет. Не встречено ни одного индивида в возрасте до 15 лет и старше 50 лет. Половозрастная асимметрия свидетельствует о том, что кладбище было оставлено краткосрочным, преимущественно мужским коллективом. На мужских скелетах прослежены прижизненные травмы со следами заживления: черепа, предплечья и большой берцовой кости, а также один случай прижизненной потери стоп обеих ног без следов заживления. По краниологическим характеристикам погребенные на Большой Посадской наиболее близки населению Ижорского плато и Южной Карелии, прежде всего ижоре XVII–XVIII вв. (Казарницкий, Широбоков 2014).

Учитывая, что кладбище функционировало очень недолго, никак не поддерживалось и, по-видимому, вскоре было снивелировано, а также то, что его перекрывает культурный слой, датируемый петровскими монетами 1704–1714 гг., и то, что

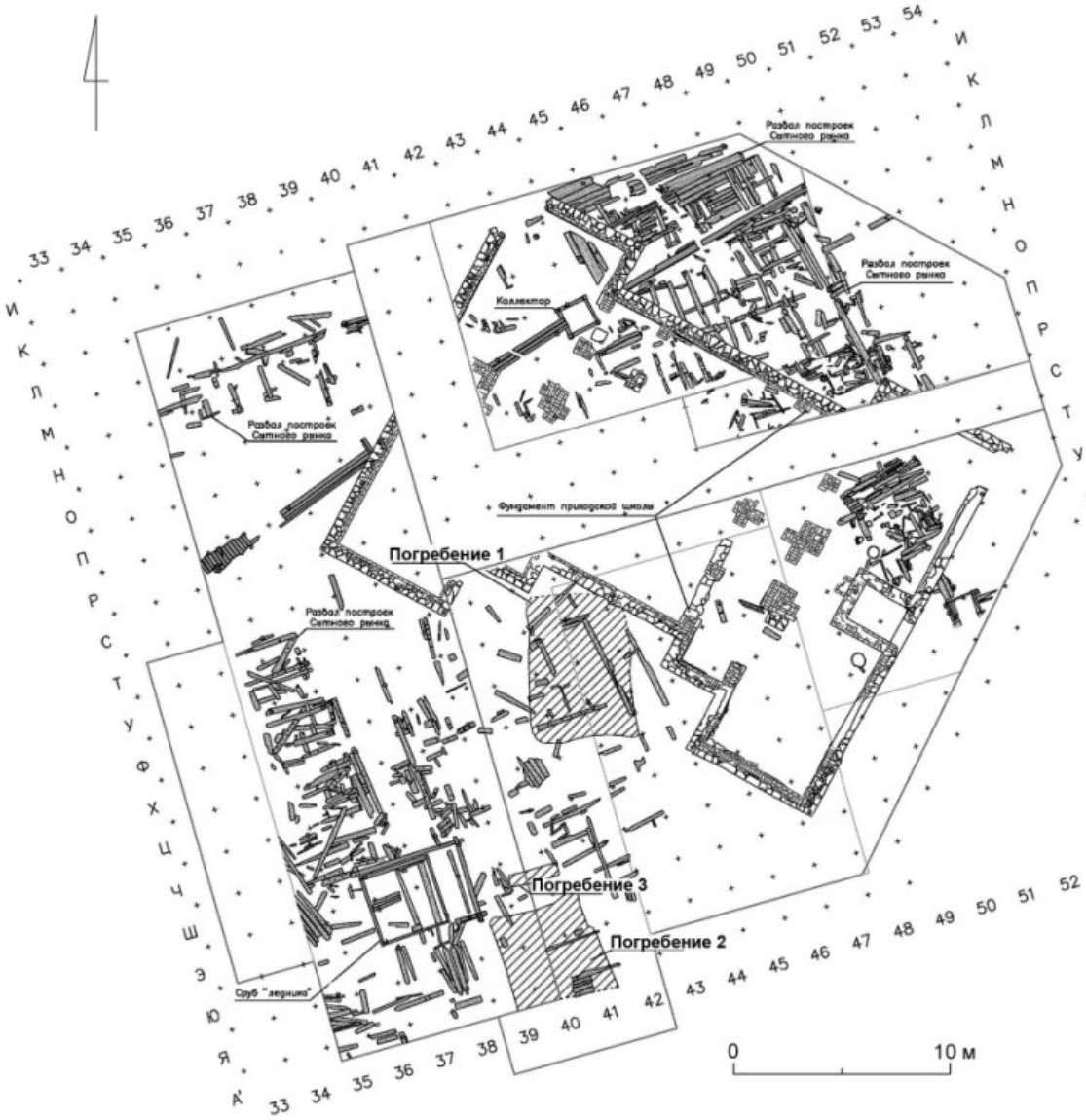

Рис. 4. План раскопа на Сытнинской ул.

кладбище находится в семистах метрах от Заячьего острова, можно с большой долей вероятности предположить, что именно эти люди насыпали первые земляные бастионы Петропавловской крепости.

Второе кладбище, исследованное в 2014 г., также находится в непосредственной близости от крепости, у пересечения Кронверкской и Сытнинской улиц, восточнее Сытного рынка (рис. 4).

Это место в XVIII в. называлось Козье болото и печально известно как место казней. В 1705 г. одновременно с возведением укреплений кронверка эта территория была расчищена от леса для создания открытого пространства и обеспечения зоны обстрела. Каменное строительство на расчищенной территории было запрещено, и местность долгое время представляла собой трущобный район с деревянными строениями. Запрет на капитальное строительство был снят только при

Рис. 5. Коллективное погребение на Сытнинской ул.

императоре Александре II в 1863 г., после чего началась интенсивная застройка пустырей кирпичными домами.

Погребения были обнаружены под слоем, связанным с хаотичной деревянной застройкой XVIII — первой половины XIX в. (в слое найдены монеты периода с 1798 по 1859 г.).

Под слоем щепы на уровне погребенной почвы выявлены ямы коллективных и индивидуальных погребений. Три коллективных погребения представляют собой обширные ямы размерами: две — около 8 × 4,5 м, третья — 4 × 3 м. В них были уложены погребенные в два ряда по 3 яруса в каждом; головами на запад, в вытянутом на спине положении со скрещенными на груди руками. В двух наиболее обширных ямах расчищено по более чем сотне костяков в каждой (рис. 5), в третьей — более 30. Поскольку часть верхнего яруса погребенных была нарушена фундаментами XIX в., точное число не определено, но в целом выявлено не менее 255 скелетов.

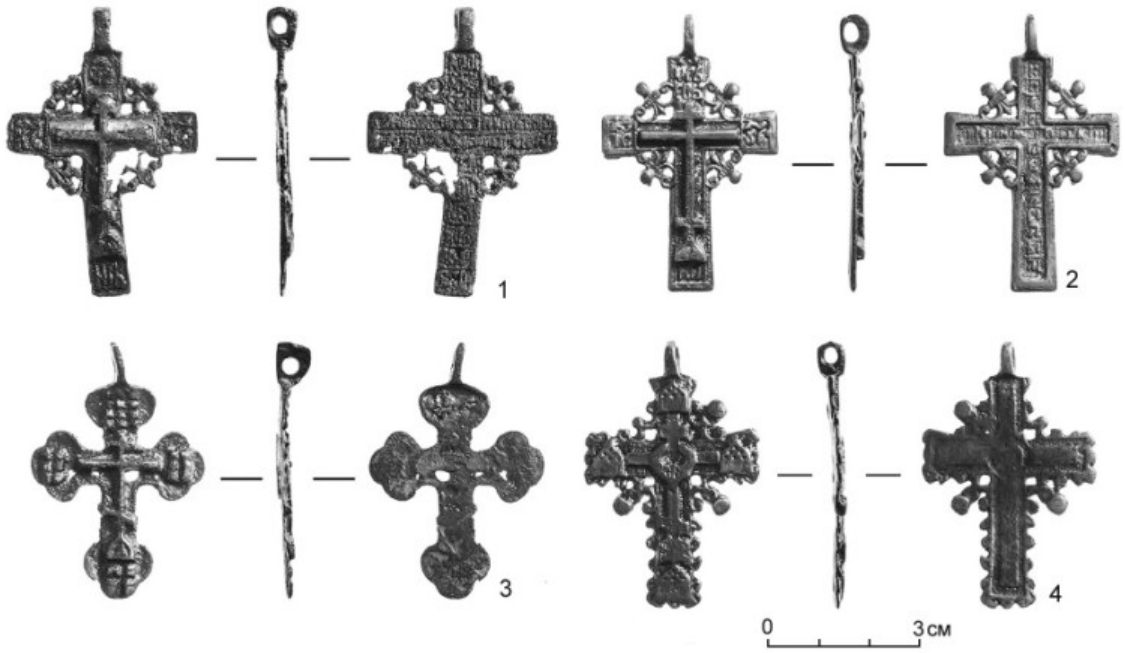

Рис. 6. Кресты-тельники из погребений на Сытнинской ул.

Сопровождающий погребения инвентарь весьма скуден. Это кресты-тельники (37 экземпляров, рис. 6), в одном случае — металлическая пуговица; фрагменты ткани и обувь (кожаная и лыковая). Кресты относятся к типам, датирующимся в целом в рамках XVII–XVIII вв. Решающей для датировки захоронений является находка при зачистке по дну могильной ямы коллективного погребения № 1 одиннадцати серебряных монет — копеек Петра I. Годы чеканки не читаются из-за плохой сохранности, тем не менее, они позволяют уверенно отнести погребальный комплекс к первой четверти XVIII в. Горизонт деревянных построек по монетам датируется концом XVIII — первой половиной XIX в. Таким образом, археологически подтверждается, что на протяжении большей части XVIII в. Козье болото оставалось пустырем. Об этом же свидетельствует отсутствие кладбища на планах города XVIII в.

Наиболее многочисленная категория находок — обувь: берестяная, лыковая и кожаная. Это, собственно, изделия, которые правомерно называть «лаптями» — носильной рабочей обувью, заменявшей кожаные башмаки, и предохранительная обувь из бересты, надеваемая поверх кожаной обуви, своеобразные «калоши». В погребениях также встречены разные виды кожаной обуви. Наиболее интересным в данной коллекции является экземпляр поршневидной обуви из сыромятной оленьей кожи, с дополнительной деталью, покрывающей пальцы стопы сверху. Данный вид обуви имеет массовые аналогии только в одной коллекции, опубликованной к настоящему времени. Это представительная коллекция кожаной обуви из заполярного города в Западной Сибири Мангазеи, которая датируется первой половиной XVII в. Формы обуви, напоминающие мангазейские детальнокроеные поршни, встречены как единичные экземпляры в городах северо-запада России в слоях XVI–XVII вв. и признаны специфической обувью северных жителей

Европейской России или Сибири, приехавших с разной надобностью в русские города средней части России. Близкие варианты найдены в Тобольске, а также известны у саамов Норвегии (Курбатов 2015).

Антропологические исследования показали существенные отличия второго кладбища от первого при их хронологической близости. Все костяки принадлежат мужчинам. Самому молодому было 10–12 лет; 6 % – свыше 55 лет. Средний возраст 36 лет. Однако выделяются две возрастные группы: 15–19 лет и 40–44 года. Наиболее вероятная принадлежность — крестьяне, т. к. известно, что главы семей наиболее трудоспособного возраста уклонялись от повинностей, посылая вместо себя младших братьев и стариков. Другие варианты (каторжники, солдаты, военнопленные) не могут объяснить двухпиковое распределение интервалов. Межгрупповой анализ показывает, что это именно русские. Краниологический анализ фиксирует неоднородность выборки: выявленные останки принадлежали различным группам населения европейской части России. Наиболее распространенные виды травм (переломы ребер, ключиц, длинных костей рук, травмы носовых костей) носят хозяйственно-бытовой характер и свидетельствуют также в пользу того, что погребенные — работные люди, а не солдаты, военнопленные или казненные преступники (Широбоков, Учанева 2015).

Погребальные комплексы являются частью захоронений, осуществленных в короткий промежуток времени, не предполагающих организации кладбища в этой части города, что подтверждается отсутствием информации о захоронениях в ранних картографических и исторических источниках. Характер погребений позволяет предполагать эпидемию, во время которой единовременно захоранивалось более 100 человек.

Таким образом, впервые удалось археологически проследить два этапа организации строительства Санкт-Петербурга. На первом этапе использовалось местное население из близлежащих деревень, на втором — привлекались крестьяне из других областей европейской России, преимущественно северных и восточных.

Результаты раскопок на Большой Посадской и Сытнинской улицах показали, что фраза «Петербург построен на костях» имеет твердое археологическое и историческое основание.

Литература

Городилов, Седых 2014 — *Городилов А. Ю., Седых В. Н.* Монетные находки в контексте раскопок по адресу: Санкт-Петербург, ул. Большая Посадская, д. 12 // Бюллетень ИИМК РАН (охранная археология). 2014. № 4. С. 379–386.

Грач 1957 — *Грач А. Д.* Археологические раскопки в Ленинграде. К характеристике культуры и быта населения Петербурга XVIII в. М.; Л., 1957. 88 с.

Казарницкий, Широбоков 2014 — *Казарницкий А. А., Широбоков И. Г.* Результаты антропологического исследования скелетных останков из материалов раскопок кладбища начала XVIII в. на Большой Посадской ул. // Бюллетень ИИМК РАН (охранная археология). 2014. № 4. С. 387–396.

Кирпичников 1969 — *Кирпичников А. Н.* Как было найдено место захоронения Джакомо Кваренги // Строительный рабочий. 1969. № 21. С. 12–13.

Кирпичников 1970 — *Кирпичников А. Н.* Поиски Джакомо Кваренги // Неделя. 1970. № 29. С. 20.

Курбатов 2015 — *Курбатов А. В.* Обувь первых строителей Петербурга (по материалам раскопок на ул. Сытнинской в 2013–2014 гг.) // Бюллетень ИИМК РАН (охранная археология). 2015. № 5. С. 225–238.

Лапшин, Городилов 2013 — *Лапшин В. А., Городилов А. Ю.* Археологические исследования на Большой Посадской улице в 2011 году (раскоп 1) // Бюллетень ИИМК РАН (охранная археология). 2013. № 3. С. 25–34.

Лапшин, Соловьёва 2012 — *Лапшин В. А., Соловьёва Н. Ф.* Археологическое изучение Санкт-Петербурга в ИИМК РАН // Кондрашев Л. В. (отв. ред.). Археология Москвы — линия жизни: сб. ст. и материалов в связи с 80-летием академика архитектуры, профессора А. Г. Векслера и к 20-летию крупномасштабных археологических исследований Манежной площади, проводившихся под его руководством. М.: Т-Принт Групп, 2012. С. 218–222.

Лапшин, Соловьёва 2016 — *Лапшин В. А., Соловьёва Н. Ф.* Археологическое изучение Санкт-Петербурга в Институте истории материальной культуры Российской академии наук и проблемы сохранения культурного слоя в условиях мегаполиса // Материалы НПК по сохранению объектов археологического наследия памяти А. Г. Векслера. М.: Департамент культурного наследия г. Москвы, 2016. С. 181–192.

Столпянский 1909 — *Столпянский П. Н.* Петербург пятьдесят лет тому назад. СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1909. 30 с.

Широбоков, Учанева 2015 — *Широбоков И. Г., Учанева Е. Н.* Первые строители Петербурга: некоторые результаты изучения скелетных останков из коллективных захоронений в районе ул. Сытнинской // Бюллетень ИИМК РАН (охранная археология). 2015. № 5. С. 239–248.

Lapshin, Solov'yova 2016 — *Lapshin V. A., Solov'yova N. F.* Archaeological studies of Saint Petersburg in the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences // Iscos. 2016. № 21. P. 262–273.